

свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации». Закон отменил институт прописки, который действовал с 1925 года и был связан с контролем передвижения населения по территории СССР и РСФСР. Процедура прописки заменила действующая по сей день регистрация по месту жительства. Главным ее отличием стал уведомительный, а не разрешительный характер.

Но суть дела от этого не изменилась, наши сограждане по-прежнему делятся на две категории: *дебричных* и *маргиналов*. Первые получают новые квартиры в Москве по программе *реновации жилья*, вторые обитают в деревянных бараках, расположенных в захолустных населенных пунктах, лицемерно именуемых *поселками городского типа* (ПГТ).

15 августа, как и полагается молодому дипломированному специалисту, я прибыл в Кузоватовский РОНО, расположенный на втором этаже деревянного здания райисполкома. Немного посидел в коридоре, потом меня пригласили в кабинет заведующего отделом Николая Павловича Комкова. Он, глядя поверх очков, сразу перешел на «ты» и спросил меня вопросом:

– Физику преподавать сможешь?

Я задумался. Как ни странно, вопрос меня не обескуражил. Конечно, у меня в кармане пиджака лежал диплом учителя русского языка и литературы, но в школьные годы, где-то классе в седьмом, а потом и в восьмом, я страстно любил физику, участвовал в районных олимпиадах по этому предмету. Но...

Преподавать физику я все-таки отказался, а восьмилетней школе села Волынщина (того самого, где родилась девушка Люда, несчастная любовь Тодана Чеснокова) требовался директор, который сможет вести уроки физики. Остальные вакансии были заняты. Вопрос о том, где мне предстоит работать, отложили на завтра. Мне забронировали номер в районной гостинице, я оставил там сумку-саквояж и пошел бродить по улицам райцентра, палящим мне по первому стройотряду.

В Вильнюсе, в каком-то ресторане, я впервые ел настоящую *котлету по-киевски*: полая внутри мышечного утолщения тушенная куриная ножка (сейчас эта часть куриной тушки называется *гóленью*) и нафаршированная рубленным куриным же мясом с зеленью, наполненная горячим бульоном. Призываешь бумажной салфеткой ножку и осторожно надкусываешь саму котлету: именно осторожно – чтобы не брызнул сок... Так же осторожно надо было надкусывать вкуснейшие мамины *вареники* с малиной или вишней: они тоже предательски брызгали ягодным соком, так что можно было обжечь всех сидящих за столом...

Илана Березницкая, которая сидела напротив меня и ела свою котлету, рассказывала мне, что недавно посмотрела фильм Ингмара Бергмана «Земляничная поляна».

– Там пожилой профессор медицины, – говорит она, – идет по улице и видит часы на башне ратуши, а у часов нет стрелок. Мне стало очень страшно при виде *таких* часов...

Утром интрига разрешилась. Мне предложили должность директора в Спешневской средней школе. Так было ближе к городу: от этого села 70 километров до Ульяновска и 45 – до рабочего поселка Кузоватово. Уже вызвали прежнего директора школы Юрия Ивановича Мазурина, и он должен был подъехать с минуты на минуту. Это был опытный 35-летний педагог, уже изрядно облысевший, учитель химии, но у него имелись проблемы со здоровьем, обострился *варикоз* на ногах. Юрий Иванович заявил о своей проблеме в конце прошедшего учебного года, и наметившуюся вакансию не успели включить в сводки ОблОНО.

Формальности заняли считанные минуты, решили так: меня назначают *директором* школы с преподаванием соответствующего количества часов русского языка и литературы, Юрий Иванович становится *завучем* и учителем химии. Одно смущало Николая Павловича Комкова: он впервые за время работы заведующим РОНО назначал на должность директора человека, не состоящего в рядах КПСС.

Пока спускался по скрипучей деревянной лестнице райисполкома, придумал *фразочку*: «С места – в карьеризм...»

Мы с Юрием Ивановичем пришли на остановку рядом с Кузоватовским железнодорожным вокзалом и *тормознули* какую-то попутку, поехали. В пути у водителя изменились планы, и он не довез нас до Спешневки несколько километров. Дальше пошли пешком по пыльной проселочной дороге, петляющей меж желто-зеленых полей. Дорога сама уводила вдаль, по ее сторонам, в полупрозрачной стене подвижных стеблей ржи, напоминающей скол толстого стекла, нестерпимо ярко светились васильки, разъедавая глаза своей яростной купоросной синью, – все вокруг сверкало и мельтешило, и от этого начинала кружиться голова...

Сразу направились в школу – типовое одноэтажное здание из силикатного кирпича со спортзалом, построенное точно по такому же проекту, как и школа в селе Кирюшкино, где летом прошлого года располагался мой стройотряд. Быстро оформили акт передачи полномочий, я получил ключи от сейфа, в котором хранились *печать*, *угловой штамп* и несколько чистых бланков *трудовых книжек*.

Дальше предстояло решить вопрос о месте моего жительства. При школе имелся типовой двухэтажный дом на восемь квартир, все они, разумеется, были заняты (в нашей стране никогда не было, нет и не будет *свободной жилплощади*), но я заранее отказался от отдельного жилья и попросил определить меня на постой к какой-нибудь старушке.

Мы отошли от школы метров на двести и вошли в сени небольшого дома, смотревшего в переулок двумя чисто вымытыми окнами. Нас встретила хозяйка Матрена Ивановна Гамаева. Дальше – приветствия, комплименты, разговоры ни о чем. Но за этими разговорами Юрий Иванович с виртуозностью дипломата быстро уговорил бабушку взять к себе в дом квартиранта, и не кого-нибудь, а директора школы, уже официально вступившего в должность, поминутно обращаясь к ней не иначе, как

«мой друг». Условия были такие: школа ежегодно выделяет машину дров, ежемесячно платит 10 рублей за постой, а я как квартирант от себя еще 10 рублей добавляю за «харчи».

Стыдно признаться, но я не помню, куда получил распределение Анатолий Честноков. Возможно, все дело в том, что он пренебрег направлением. Или приехал в какую-нибудь глушь, куда его направили, а там что-то не сложилось, вакансия оказалась занятой – такое нередко случалось. Так или иначе, а мы потеряли друг друга из вида в первые после окончания института месяцы.

Я с головой ушел в те новые проблемы, которые буквально обрушились на меня. В школе обучались больше сотни детей, часть из них проживала в соседних селах – Стоговке, Екатериновке, Азате, поселке Первомайском. В те времена по проселочным дорогам не разъезжали желтые автобусы с трафаретной надписью «Дети», и добирались ученики до школы по-разному: кто-то пешком, кто-то на случайной машине или на совхозном автобусе – все зависело от предприимчивости родителей. А в середине весны мальчишки-старшеклассники уже торопились оседлать свои мотоциклы и эффектно подвозили девочек к самым дверям школы.

С появлением интернета москвичи и москвички, регистрируясь на сайтах знакомств, стали искать себе пару только из столичного региона. Провинциальная *шúшера* их не интересовала.

Так в стране равных возможностей в 1950-е годы были заложены основы неравенства. Но москвичи и москвички – это не сверхчеловеки, а обычные люди. Как и все мы, они умрут, но в землю их едва ли закопают: в огромном мегаполисе земли на всех не хватит, скорей всего их тела ждет печь крематория...

В папке с надписью «Входящая корреспонденция» обнаружил бумагу:

«Всем директорам школ!

Районный отдел народного образования доводит до Вашего сведения приказ начальника Главного управления по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР №19-дсп от 1-го апреля 1971 года, №14 от 17 марта 1972 года и №10-дсп от 14 февраля 1974 года.

Содержание: об изъятии произведений Солженицына А.И., Евсеева Е., Леонидова Ф.М., Баумвальд Р.Л., Керлера И.Б., Телесина В.Л. и т.д.

Спина хозяйки моей Матрены Ивановны от бесконечной работы в поле и на огороде согнулась вперед и вбок. *Коромысло* – такое у нее уличное прозвище.

Как и предполагалось, «определенная часть выпускников» 1974 года до сельских школ так и не доехала. Любопытно, что эту часть составили как *студенты-отщепенцы*, давно взятые на карандаш в комитете комсомола института (с некоторыми из них я дружил), так и комсомольцы-активисты, которые смогли воспользоваться давно отработанными «хитрыми» приемами. Среди них были Юра

Мордвинов, Слава Егоров, Зина Вихирева, Таисия Глотова...

Время показало, что все они долгие годы служили мифическим идеалам и получали зарплату за преданность тому, чего уже давным-давно не существовало: *КОМСОМОЛУ*.

При Спешневской школе имелся интернат, а я автоматически стал его *заведующим*. Между зданием школы и интернатом приютилась котельная с высоченной железной трубой, внутри которой пыхтели два чугунных котла типа «Универсал», сжигающие по две-три тонны угля в неделю. Котельная отапливала школу, интернат, учительский дом и еще здание детсада. Если кто-то где-то замерзал в зимние холода, то в ответе за все был директор. К счастью, мне попался толковый, хозяйственный и расторопный завхоз Николай Владимирович Никишин.

В 70-е годы прошлого века в разговорной речи утвердилось слово *кайф*, означающее высшую степень блаженства. *Словить кайф* значило испытать доселе невиданное удовольствие. Ну и, разумеется, были производные: прилагательное *кайфовый*, глаголы *кайфануть*, *кайфовать* и т.п.

Другое популярное слово – *балдеть*, то есть *быть под кайфом*, наслаждаться, блаженствовать. Производные – глагол *обалдеть* (сильно удивиться), прилагательные *балдёжный*, *обалденный*...

Еще одно слово – *ништъяк*, что значит *все хорошо*.

Коллектив школы на момент моего прибытия в Спешневку был расколот на два враждующих лагеря (у нас всегда так: одни *за красных*, другие *за белых*). В РОНО об этом знали и как могли помогали мне *разрулить* эту коллизию.

Я веду уроки русского языка и литературы в 4-м и 10-м классах. В четвертом классе всего 14 детей, среди которых только три девочки. Национальный состав: русские, один чуваш, один казах. В классе два пацана с фамилией Никишин, и оба Владимеры, так что иногда, чтобы различать их, приходится обращаться по имени и отчеству.

Мазурины, как истинные сельские жители, сажали картошку (у них имелся *усáд*), также был у них огород со всякими овощами, росли фруктовые и ягодные деревья; там же стояла литая из шлака баня. На зиму они делали множество заготовок в банках всевозможных размеров, «закручивали» компоты. От Юрия Ивановича я услышал любопытный глагол: *закомпотировать*. Вместо слова «малышня» он использовал другое собирательное существительное – *шелупень*.

Девушки из Вильнюса охотно приезжали в наши края. Изъездив всю Литву *автостóпом* (у них это называлось *трáнзом* – то есть транзитом, от одного населенного пункта к другому, в основном на грузовых автомобилях и почти всегда – бесплатно), они рванули на Среднюю Волгу. В первое же лето ко мне поездом приехали на один день Илана

Ирезницкая и Виргиния Дабашинскайте. Формальной повод был таким: будущие архитекторы хотели посмотреть недавно построенные объекты Ленинской мемориальной зоны. Неформальный повод очевиден: девушкам нужны новые знакомства, потому что им надо было как-то устраивать свою жизнь. На другой день, также поездом, мы отправились в Куйбышев к Никите с Валеркой.

Матрена Ивановна рассказывает, пока я ем щи:

– Вон у Кречетовых, соседей наших, *трехметровый кот* есть. Так он всех цыпляет в округе перепугал. И ничего ему не делается. Его как-то решили *нарушить*. Поймали и повесили. Он маленький повисел, его сняли и стали ему могилу рыть, а он *исчез* и убежал...

Это в назидание тем, кто не верит в возможность чудесного воскресения!

Популярное разговорное слово *чувак* – так можно назвать какого-либо человека или даже обратиться к нему:

– Слышь, чувак, закурить не найдется?..

Возвращался из школы домой, и вот повстречалась мне баба Маня по прозвищу Би-Би-Си и долго спрашивала о том, о сем, давала советы по правильному обучению и воспитанию детей. И через каждую фразу повторяла:

– А то у нас, в советском *сэсэре*, порядка нет, *не разболтались*...

Я уж не стал цитировать ей А.К. Толстого, больше века назад писавшего: «Земля наша богата, // Порядка в ней лишь нет». В свою очередь автор ссылается на летописца Нестора, то же самое утверждение в конце XI – начале XII веков.

Шел первый учебный год моей работы в Спешневке. И вдруг, где-то в конце февраля, Анатолий Чесноков прислал письмо, в котором сообщал, что живет в деревне Суровка Тереньгульского района, работает в местной восьмилетней школе.

Обалдеть!.. От Спешневки до Суровки по прямой – километров пятнадцать, совсем рядом. Надо было переехать «вброд» Свягу и двигаться на восток степным проселком, дальше дорога, отчаянно летящая, уходила в лес, а потом снова вырывалась на простор, шла среди лугов и полей, и вскоре впереди уже видны были неказистые избенки жителей Суровки. По этой дороге мне неоднократно приходилось трястись вместе с председателем нашего сельсовета Николаем Филипповичем Рябовым: мы ездили в Суровку за водкой и сигаретами, если наш Спешневский магазин был в очередной раз ограблен и, соответственно, закрыт на учет, что случалось с подозрительной регулярностью.

Но добраться таким образом до Суровки можно было только с мая по сентябрь, дальше – распутица, а зимой проселочную дорогу заметало снегом. И вот теперь, в конце февраля, конечно же, еще стояла зима.

Я ответил на письмо – это все, что я мог тогда сделать.

Частушка бабки Матрены:

Печку письмами топила
И подкладывала дров.
Погляди-ка, мой любимый,
Как горит наша любовь!..

«Здравствуй, пан Вольдемар!

Итак, прошло уже целых две недели, как я отправил тебе депешу⁵, но никаких известий от тебя так и нет. Чем же это вызвано, не пойму.

Вовик, опять я в наших палестинах, приехал на 8 марта. Сегодня уже 9 марта, завтра мне придется ехать в эти кулуары, будь они прокляты. Да, завтра опять в Тереньгу, зашибать себе деньгу и раскрашивать свою репутацию, довольно-таки истасканную, «как шлюха в порту» (вычитал у Михаила Анчарова в «Этом синем апреле»), в розовенькие тона. Ничего не поделаешь, мой юный друг!

Хотел заехать к тебе 7 марта в Ульяновск на Ефремова-street, но я был в Ульяновске только около часа, нужно было добираться любыми средствами в деревню (тогда я еле уехал: пришлось ехать в Языково в кузове грузовика), да и не был я уверен, что ты в тот момент был дома, а это было в час дня.

Вовик, меня тревожит неопределенный вопрос с армией. Ведь я до сих пор на учете в Кузоватове⁶... Возможно, что ты не получил то письмо, которое я послал 23 февраля. Так что напиши мне в Тереньгульский район, с. Суровка, 8-летняя школа. Я нахожусь там, работаю в школе. Так что напиши мне, а то я что-то мрачно стал смотреть в будущее, хотя «зима тревоги нашей»⁷ позади.

«А если Океан смоеет береговой Утес или замок Друга твоего, меньше станет Европа... И тогда не спрашивай, по ком звонит колокол: он звонит по тебе» (Джон Донн).

За сим кончаю. И напиши мне о своих взглядах на будущее.

А. Чесноков, с. Теньковка, 9/III – 75».

В весенние каникулы я приехал на денек-другой в Ульяновск, в магазине «Учебные пособия» (был такой на улице Карла Маркса) заказал для школы по каталогу плакаты, географические карты и диафильмы (это было недорого – бюджет сельской школы позволял подобные траты), а потом *зарулил* в редакцию «Ульяновского комсомольца», где к тому времени уже работал мой приятель студенческих лет Валентин Цветков.

В редакции, которая наполовину располагалась на третьем этаже редакционного особняка «Ульяновской правды» (Гончарова, 12), а другой своей половиной захватила часть помещений еще только строящегося здания типографии, был *выпускной день*, когда уже в типографском наборе оформлялся очередной номер газеты со всеми текстовыми материалами и отпечатанными с клише фотографиями, после чего редактор ставил на чистовом оттиске

⁵ Возможно, Анатолий послал мне еще одно письмо, но я его не получил.

⁶ Обстоятельств постановки Анатолия Чеснокова на воинский учет в р/п Кузоватове я не помню.

⁷ «Зима тревоги нашей» название романа Джона Стейнбека.

визу «В свет» и расписывался. Редактор (Геннадий Левин) был в отпуске, его заменял Саша Смирнов – высокий разбитой парень, который громогласно отдавал распоряжения, матерился...

Все сотрудники, кроме Дворянского, были *под грядусом* и жаждали «продолжения банкета». Нас с Цветковым отрядили за *горючим* и *закусóном*. Мы отправились в продуктовый магазин, расположенный на улице Льва Толстого, где-то неподалеку от *володарских домов*.

Сдвинули столы, наполнили стаканы популярным в те годы дешевым портвейном (в тот день «ульяновские комсомольцы» почему-то пили *бормотуху*, хотя обычно предпочитали водку). Авксентий Галагоза (для *своих* – просто Сеня) сидел рядом со мной и произносил витиеватые тосты. Когда встали из-за стола, я спросил Сеню, где тут туалет. «Зачем тебе туалет?» – искренне удивился тот и широким жестом указал на длинный ряд фаянсовых раковин с водопроводными кранами.

Я не помню, были или нет в тот день в редакции Женя Мельников и Коля Полотнянко. Возможно, Женя отъехал в командировку или отпуск у него был, а Николай наверняка уже работал ответственным секретарем редакции (*ответсéком*) и хорошо понимал, что качество очередного номера газеты обеспечивал именно он, а не и. о. редактора Смирнов.

В Спешневке у меня появился новый приятель – Анатолий Бакеев, почти ровесник, выпускник Ульяновского сельскохозяйственного института, он заведовал гаражом в местном колхозе им. М.В. Фрунзе. *Завгáр* – это человек, который отвечает за автомобильное хозяйство; он решает множество задач, но результат нужен такой: чтобы машины были исправны, а водители – трезвые.

Поначалу за ним самим не был закреплен какой-либо автомобиль, и он передвигался на разных машинах из гаража. И вот, наконец, на третий год у него появился персональный автомобиль «ИЖ-2715» (пикап). Вероятно, его собирали на раме от «Москвича», в кабине помещались два человека – водитель и пассажир, а сзади был небольшой грузовой фургон. По сути, это был фермерский автомобиль, но в 70-е годы прошлого века в нашей стране не было фермеров, и на таких *машинешках* по проселочным дорогам разъезжали в основном председатели сельсоветов и колхозно-совхозные секретари парткомов. Существовали народные (фольклорные) названия для таких машин: *сапожок*, *шиньон* и даже, пардон, *блядовóзка*.

«Всем директорам школ.

Для служебного пользования №1.

Об изъятии произведений В.П. Некрасова.

Ульяновский областной отдел народного образования предлагает Вам дать указания о том, что произведения В.П. Некрасова во всех классах средней школы не подлежат изучению и не должны использоваться на уроках и внеклассных занятиях.

Учитывая, что на имя этого писателя делались ссылки в программах, учебниках и учебно-методических пособиях, следует тщательно их проанализировать, сделать исправления <...> Одновременно предлагается изъять произведения

В.П. Некрасова из библиотек начальных, восьмилетних и средних общеобразовательных школ, педагогических училищ, институтов усовершенствования учителей и других библиотек системы народного образования...»

Самый частотный элемент разговорного языка *наших людей* в середине 70-х – частица *как бы*. Она проникла в речь представителей всех социальных слоев.

Язык позволяет выразить не только то, что мы думаем и что хотим сказать, но и то, о чем смутно догадываемся, подозреваем, а также то, как мы относимся к сказанному (*модальная функция языка*). При этом мы понимаем, что все вокруг ненастоящее, декоративное. Вдоль любой сельской дорожки тянется нескончаемая череда коровников, свиноводств и овцеферм, а мяса и мясопродуктов в магазинах нет. Живем в мире театрального реквизита – вокруг одни *муляжи*, модели, всё в стиле *как бы*...

В этих краях у людей в основном серые глаза, это еще писатель *Скиталец* (Степан Гаврилович Петров) заметил.

Мне довелось быть самым молодым директором Спешевской школы среди всех в то время живущих в деревне бывших ее руководителей. Я вспомнил, как я уже писал, Юрия Ивановича Мазуркина, а он пришел на смену Ивану Григорьевичу Катруну. Супруга Ивана Григорьевича Вера Максимова заведовала школьной библиотекой, а сам он *пенсонерил* и на досуге собирал материалы по истории деревни. Как-то я его спросил, почему Спешевка называется *Спешневкой*, и он мне рассказал байку о том, что-де жил тут когда-то барин, и вот однажды тот собрался в город, да торопился, спешил и все торопил кучера, а на мосту через Свягу лошадь понесла и опрокинула коляску под крутой берег. Барин-то и утонул. А все потому, что *спешил* оттого и Спешневка!

Стыдно признаться, но я в тот раз развесил указ и поверил банальной *топонимической легенде*, совершенно позабыв заповеди Венедикта Федоровича Барашкова. А неделю спустя я готовился к уроку в 9-м классе по творчеству Достоевского, и собирая материал по персональному составу *Кружка петрашевцев*, наткнулся на такую фигуру: Николай Александрович Спешнев. Он был уроженцем Курской губернии, но по всей Российской империи было немало помещиков с такой фамилией. Так что наверняка деревня Спешневка была поименована по имени владельца, как и села Языково и Радищево...

Юдóль любого руководителя ничуть не слабит жизни его подчиненных. Он так же, как и все, *выливает*, но в тех случаях, когда что-то пошло не так, все *шйшки* сыплются на него.

Например, получил я *телефонограмму* от РОНО: мальчики 9-х классов вместе с воентрупом должны прибыть 22 мая 1975 года в город Барыш для учебных стрельб из боевого оружия. Если не было печали... От Спешевки до Барыша около

километров. В нашем районе во всех средних школах имеются мелкокалиберные винтовки с запасом патронов. Давно можно было соорудить в районе собственное стрельбище, так ведь нет – надо тащиться в Барыш...

У нас в школе есть свой грузовик, но в его кузове всю зиму возили уголь для котельной, так что для перевозки людей он не годился. Военрук Саша Спешнев, который получил информацию о предстоящих стрельбах по своим каналам, из райвоенкомата, уже сказал мне, что колхозный автобус сломан. Вечером встречаемся с ним в клубе и ждем Анатолия Бакеева, завгара. Тот подходит и объясняет, что автобус стоит на колёдках (то есть со снятыми колесами) в колхозном гараже, для ремонта потребуется не меньше двух недель. Что делать? Пишу в РОНО и сообщаю, что привезти мальчиков не сможем: нет транспорта. Через две недели получаю ответ:

«КУЗОВАТОВСКИЙ РАЙОННЫЙ ОТДЕЛ
НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ПРИКАЗ

29 мая 1975 года № 44-Д

О фактах невыполнения учебной программы по начальной военной подготовке в Коромысловской и Спешневской средних школах»

Далее – стандартная констатирующая часть. Далее:

«ПРИКАЗЫВАЮ:

1. За невыполнение указания РОНО и Райвоенкомата о проведении стрельб из боевого оружия учащихся 9-х классов директорам Коромысловской и Спешневской средних школ т.т. Масленкиной Е.М. и Янушевскому В.Н. объявить ВЫГОВОР...

Заведующий РОНО _____ Н.П. Комков»

Разговоры в Спешневском сельмаге:

– Я вот не люблю с белым хлебом щи хлебать – с маслом получается. Черный хлеб вкуснее.

– Девки-то какі срамні пошли. Это разве невесты?! На таких невест только из подворотни свести...

– У меня сноха ходит как *рунида*⁸ по *шабра́м*. Ни *шербку* не сварит, ни детей не соберет...

– Я на поминки после похорон не хожу, брезговно. Там, когда *щи-лапшу варя́т*, вокруг покойника *шатся*, все хватают...

– Колька-тракторист каждый день *пьяный в зорты*. У него уж, наверно, кровь пьяная. От него *тоска* детей не будет. Какой он мужик?

– Я нынче походил с *медоткой* (рыболовная снасть, сплетенная из ивовых прутьев – *Авт.*) по *косу*. Нету рыбы ни хрена. *Полкарма́на*, однако, *выблел* вот таких *быстряко́в*. На уху хватило!..

Летом, в начале июня, в Спешневку неожиданно нагрянул Толик Чесноков, пришел ко мне с таким видом, как будто мы только вчера расстались. Через полчаса он был уже на короткой ноге (или руке) с Матреной Ивановной, обращался к ней на «ты», называл *тетей Матóлей*. Из его сбивчивого рассказа я мало что понял о том, как он попал в Суровку. Зато он много и подробно рассказывал о своем зимнем путешествии в Псков.

Прошлогодня поездка в Карелию пробудила в нем «дух бродяжий», и вот в зимние школьные каникулы, едва вырвавшись из Суровки и приехав в Теньковку, он моментально затосковал: там деревня – и тут деревня. И вот ночью, ворочаясь с боку на бок, он решил отправиться в странствие «по Руси». На другой день сорвался и, уже оказавшись на вокзале Ульяновск-Центральный, наметил конечный пункт своего путешествия: город Псков, *средо-точие* (буквально – средняя точка) русской истории.

Денег в кармане, как всегда, было *с гульки́н нос*. Он взял билет до Москвы в общий вагон, купил пачку самых дешевых сигарет. Случайный попутчик отсоветовал ему брать прямой билет до Пскова: дёска́ть, от Москвы можно двигаться на электричках, от города к городу – так дешевле выйдет.

В Пскове он облазил Кремль, осмотрел монастыри и храмы (как действующие, так и законсервированные), заходил в музеи, пристраиваясь к организованным экскурсиям школьников. Ночевал на разных вокзалах города, чтобы милиционеры не заметили и не приняли за бродягу. Тогда, в 1975 году, слово «бомж» еще не было в ходу; впервые аббревиатуру БОМЖ (именно так, заглавными буквами) я вычитал в газете «Комсомольская правда» лет через пять.

Спешневский лексикон:

- *галы́чить* – кричать;
- *кужельный* – светловолосый;
- *курослéпник* – цветок «куриная слепота»;
- *куру́кать* – говорить;
- *латры́га* – пьяница.
- *рю́мка* – двухсотграммовый граненый стакан (другое название – *рубча́тый* стакан);
- *уса́д* – индивидуальный участок для выращивания корнеплодов – свеклы, моркови, но в основном картофеля – в отличие от огорода, где росли огурцы, помидоры и другие овощи;
- *ути́рка* – полотенце.

В своем старом блокноте за 1976 год обнаружил еще один адрес Толяна: Ульяновская область, Сурский район, село Паркино. Анатолию Чеснокову.

Вполне возможно, что он получил в ОблОНО направление в тамошнюю школу, наверняка приезжал туда, чтобы осмотреться, но потом судьба занесла его совсем в другие края.

(Продолжение следует)

⁸ Это слово этимологически связано со словами руны, рунический. Понятие «руны» имеет два основных значения: 1) у древних германцев, проживающих на территории Скандинавии и 2) эпические песни финно-угорских народов. Энциклопедия не дает исчерпывающего толкования слова «рунида», связанного, по-видимому, с языческими магическими практиками.